

По Е. Г. Корнилову, Шубашкар представлял собой болгарскую крепость, что якобы видно из состава слова *шубаши* < др.-тюрк. *sü baši* 'военачальник' и *кар* 'город', 'крепость', 'укрепление'⁵¹. При этом автор не объясняет, почему с болгарским, по его мнению, словом *шубаши* соединено финно-угорское *кар*. В чувашском языке 'войско' обозначается не *sii* (оно известно в основном в восточнотюркских языках), а *çар* < др.-тюрк. *çerig* < др.-инд. *kṣatrika-*, получившего почти общетюркское распространение⁵². Переход *г > ç* мы наблюдаем в *arik > iŋçë* 'горький', отпадение же конечного *g* в чувашском достаточно известно. Следовательно, в чувашском языке древнетюркское *sii baši* передается как *çар нуçë* < **s'ar baši*. Это значит, что *шубаши* не могло войти в русский язык из болгарского языка. В Хрестоматии С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, откуда взял Корнилов слово *шубаши*, последнее — из сочинения И. С. Пересветова «Сказание о Махмет салтане», написанное в XVI в., где читаем: Да послал (Махмет салтан) по городом. . . паши вѣрныя і кадык, і шубаші, і амини (изд. 2, с. 249). Совершенно ясно, что в этом тексте *шубаши* — турецкое слово. Как название какого-то турецкого начальника употребил слово *шубашь* и Афанасий Никитин⁵³; в виде *субаша*, *шубаша*, как заимствование из турецкого языка, слово известно в разных значениях в сербохорватском, болгарском, албанском⁵⁴.

Г. Ф. Одинцов

К ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКИХ НАЗВАНИЙ БОЕВЫХ НОЖЕЙ

Эта статья построена на ограниченном материале письменных памятников XI—XVII вв.: в ней не рассматриваются сущ. *кинжалъ* и созвучные с ним слова, уже описанные нами¹. О.-слав. *ножь* (ср. ст.-слав. *ножа*, болг. *нож*, макед. *нож*, с.-хорв. *нож*, род. п. *ножа*, словен. *nôž*, род. п. *nôža*, чеш. *níž*, словац. *nôž*, польск. *nóż*, род. п. *noża*, в.-луж., н.-луж. *nož*, укр. *ніж*, род. п. *ножа*, блр. *нож*) неотделимо от *заноза*, *вонзить*, *пронзить* и возводится к **nozjos*; далее сближается с греч. *νόζω*, атт. *νόζω* 'колю', буд. вр. *νόςω*, ирл. *ness* 'рана' (< **nekso-*)². Его семан-

⁵¹ Корнилов Г. Е. Почему по-русски Чебоксары, по-чувашски Шубашкар? — В кн.: Ономастика Поволжья, 2, с. 165 и след.

⁵² Древнетюркский словарь, с. 144; Егоров, с. 203.

⁵³ Хождение за три моря Афанасия Никитина, с. 51.

⁵⁴ *Skok* III, с. 355.

¹ Одинцов Г. Ф. Из истории формирования и развития системы 'старорусских названий кинжалов и шпаг. (*Кинжалъ* и созвучные с ним слова в системе русских оружейных терминов) (рукопись).

² *Фасмер* III, с. 80.

тика — 'острое (режущее) орудие, используемое в труде, быту, на охоте и в военном деле'. Рассмотрим его преимущественно как название оружия.

Др.-рус. *ножь* встречается уже в «Изборнике 1076 г.»: бѣсовскъ то юсть ножь (μάχαιρα) на ны обостреть, л. 72³.

В памятниках книжно-славянских др.-рус. *ножь* обозначает то 'нож, в том числе боевой' («снѣ твои Леснѣ нож (μάχαιριον) при бедрѣ носить, хотя та оубити»). Хрон. Г. Амарт. XI в., сп. XIV в.)⁴, то 'меч', судя по заменам *мечь* на *ножь* в текстах, передающих один и тот же эпизод: 1) ркоша . . . поразимь мечемь и порази юдинѣ нѣкыи ѿ нихъ раба старѣшины жърьчьска и ѿрѣза юмоу оухо десноу ѿвѣщав же Іс рче (так! — Г. О.) оставите до сего, и косну || въ оухо юго и исцѣли⁵; 2) рѣше . . . оударимь ножемь. и оудари юдинѣ нѣкы' ѿ нихъ ар'хїерешова раба, и ѿрѣза юмоу оухо десноу. ѿвещав же Ісѣ. ре⁶. ѿставите до сего. и косноувъ въ оухо юго исцѣли и⁶.

Ножь на месте *мечь* имеем и в Остром. евангелии: Извлѣче ножь свои и оударь раба архиереова и оурѣза юмоу оухо. XI в.⁷ Эти колебания в выборе слова понятны: в греч. подлиннике словоформе *ножь* вин. п. соответствует словоформа *μάχαιραν*. А др.-греч. *μάχαιρα* многозначно: 1) 'жертвенный нож'; 2) 'короткая сабля или кинжал'; 3) 'меч'⁸; ср. ср.-греч. *μάχαιρα* 'sword', т. е. 'меч; шпага, сабля; рапира'⁹. Греч. *μάχαιρα* переводилось и словосочетанием *копїе четвертамоострое*, словами *мечь, оруужиє* в Хронике Георгия Амартола.

Как видим, довольно широкая семантика греч. *μάχαιρα* обусловливала употребление в переводах др.-рус. *ножь* с более широкой, чем современная нам, семантикой.

Такое употребление слова *ножь* как военного термина является наиболее древним и имеет за пределами языковых явлений свои причины. Меч возник, вероятно, вследствие удлинения ножа с целью увеличения его режущей части для расширения площади рассечения при нанесении удара¹⁰. Первые бронзовые мечи были не длиннее 70 см. Не случайно «в виде пережитка меровингской эпохи . . . на Руси в X в. встречался иногда скрамасакс — боль-

³ Изборник 1076 года. М., 1965, с. 293, 714.

⁴ *Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I. Пг., 1920, с. 525; т. III. Л., 1930, с. 119 — Греч. *μάχαιριον* переводится в этой хронике только словом *ножь*.

⁵ Евангелие XIII в. Рукоп. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Фп. I. 9, л. 131—131 об.

⁶ Евангелие XIV в. Рукоп. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Фп. I. 109, л. 232.

⁷ *Срезневский П.*, стб. 463.

⁸ *Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь, т. II. М., 1957, с. 1056.

⁹ *Sophocles E. A.* Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods. Boston, 1870, p. 737.

¹⁰ *Бобчева Л.* Въръженнето в нашите земи през късно римско време. — В кн.: Военно-исторически сборник. Год. XXVI, 1957, № 2, с. 38.

шой боевой нож, являвшийся типичным оружием франков»¹¹. Определяя *scramasax* как 'долгий однолезвийный нож', оружейвед Гавро Шкриванич подчеркивает, что «такой нож употреблялся на Руси еще в X веке»¹². Большой рубящий нож типа скрамасака вполне мог быть у древних славян «суррогатом меча и сабли»¹³. Таким образом, толкование др.-рус. *ножь* как 'culter, gladius'¹⁴ имеет глубокий смысл.

Следует отметить, что на наиболее древний вид ножа указывает книжное словосочетание *ножь(ь) камень* (и *ножы каменны*): въ оно же время рече гъ Исѣсѣ, сътвори себѣ ножа каменны¹⁵ Ѡ камѣка твѣрда ѿ сѣдъ обрѣжи сны Іѣлевы, в'торѣе. ѿ сътвори Ісѣсъ себѣ ножа камены остры (Исус Навин, гл. 5)¹⁶. Синоним этого составного термина — книжн. арх. *камень изоцрентъ*: ѿ вземши семфора, камень несѣкомъ изоцрентъ. и обрѣза. . .¹⁷.

Другие книжные обозначения ножа — *процентъ* σμίλη 'culter' (Жит. Февр. Мин. чет. іюн., XVI в. ~ XV в.)¹⁸, *рѣзальникъ* 'ножь' (Іо. екс. Бог. 367, по сп. до 1200 г.; Жит. Онуфр. Мин. чет. іюн. 161. XVI в. ~ XV в.)¹⁹. *Рѣзальникъ* в обоих случаях не указывает на воинский нож, но, по-видимому, могло на него указывать, судя по семантической мотивированности при словообразовании (**rězadl'nikъ* — **rězadl'ny(jь)* — от **rězadlo* 'то, чем режут', **rězadlo* — от *rězati*) и по лексическому значению однокоренного с ним сущ. *рѣзательница* 'меч'²⁰. По словарям, *rěza(d)l'nikъ* ни в одном из славянских языков не вытеснил сущ. *nož(ь)*, и можно думать, что утверждение термина *nož* в ущерб слову *rěza(d)l'nikъ* произошло еще в праславянском, так что приведенное ц.-слав. *рѣзальникъ* — слово пассивного словарного запаса уже в XIII—XV вв., мужской род которого вполне мог быть обусловлен грамматическим родом слова *nožь*, и тогда *rěza(d)l'nikъ* могло обозначать лишь частную разновидность ножа, предназначенную преимущественно для резания, а не прокалывания. Еще более редким и явно архаичным было др.-рус. ц.-слав. *стрѣкатель* 'острие, оружие' (Панд. Ант. XI в., и. 245)²¹, производное от *стрѣкати* 'ко-

¹¹ Арциховский А. В. Оружие. — В кн.: История культуры древней Руси, т. I. М.—Л., 1948, с. 422.

¹² Шкриванич Г. А. Оружье у средневековой Сербии, Боснии и Дубровнику, Београд, 1957, с. 64 и 79.

¹³ Acta archaeologica Universitatis Lodziensis, 1954, N 3. Łódź, с. 120.

¹⁴ Срезневский II, стб. 463.

¹⁵ В «Библии», изданной в Москве в 1663 г. (Исус Навин, гл. 5, стб. 1), на этом месте *ножы каменны*.

¹⁶ Библия. Издал Иван Федоров. Острог, 1581.

¹⁷ Там же. Исход, гл. 4, стб. 2.

¹⁸ Срезневский II, стб. 1605: Вземъ процепъ, коснуся.

¹⁹ Срезневский III, стб. 217. Второй контекст: Ико же врачъ рѣзальникъ свой на очію.

²⁰ Дьяченко Г. М. Полный церковнославянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). М., 1900, с. 564.

²¹ Срезневский III, стб. 567.

доть', 'жалить', 'вырезать', ср. сущ. *стрѣкало* 'бодец', 'стрекало', 'орудие пытки', 'врачебный нож'²².

Церковнославянские обозначения ножа как оружия не сыграли существенной роли в развитии рассматриваемой нами тематической группы слов; все они в XVII в. исчезают; мы не обнаружили их даже в азбуковниках XVII в., в которых книжная лексика вообще представлена достаточно широко.

Переходя к употреблению слова *ножь* в народно-литературных памятниках письменности, подчеркнем, что из них никак невозможно вывести семантическое определение этого термина 'нож, меч', данное И. И. Срезневским и совершенно оправданное, если говорить только о книжно-славянских памятниках письменности с присущей им архаичностью языка.

Дело в том, что в памятниках народно-литературных семантика 'gladius' при употреблении в них слова *ножь* не выявляется; даже тогда, когда словом *меч* обозначается, казалось бы, всякое холодное колюще-рубящее оружие, слова *мечь* и *ножь* ни в коем случае не отождествляются. Например, в «Летописи Авраамки» (ПСРЛ XVI, с. 66) в записи под 1330 г. сообщается, что татары «овых мечи иссекоша, а иных ножи изрезаша». Мечами здесь названы сабли²³, но несмотря на такую вольность, летописец не счел возможным обозначить словом *меч* и понятие 'нож', употребив сущ. *нож* рядом с сущ. *меч*. Сказанное о семантически более узком употреблении древнерусского *ножь* за пределами книжно-церковной письменности подтверждается тем, что в «Словнике староукраїнської мови XIV—XV ст.» (т. 2. Київ, 1978, с. 56—57), базирующемся преимущественно на материале деловых и народно-литературных памятников, слово *ножь* определяется однозначно как 'ніж' и иллюстрируется вполне соответствующими этому примерами.

В летописных текстах *ножь* не всегда 'оружие, специально изготовленное для военных целей'. Так, в записи под 1015 г.: поварь же Глѣбовъ именемъ Торчинъ вынезь ножъ зарѣза Глѣба (Лавр. лет., ок. 1377 г., л. 46 об.)²⁴ — возможно, речь идет о ноже кухонном²⁵. Однако в записи под 1022 г., где сообщается о поединке: (Мстиславъ) вынезе ножъ [и] зарѣза Редедю (Лавр. лет., л. 50)²⁶, *ножь* — 'воинское оружие' («кинжал милосердия misericordia, которым пользовались в подобных случаях западноевропейские рыцари»²⁷). Как название холодного оружия фигурирует слово *ножь* и в записи под 1238 г.: козлане ж (жители

²² Там же.

²³ Рабинович М. Г. Вооружение новгородского войска. — Изв. АН СССР, серия истории и философии, 1946, № 6, с. 557.

²⁴ ПСРЛ I. М.—Л., 1962, с. 135.

²⁵ Рабинович М. Г. Из истории русского оружия XI—XV вв. — Труды Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия, I. М.—Л., 1947, с. 70.

²⁶ ПСРЛ I, с. 147.

²⁷ Рабинович М. Г. Из истории русского оружия. . . , с. 70.

г. Козельска. — Г. О.) ножи рѣзались с ними (татарами. — Г. О.) (Лавр. лет., л. 245 об.)²⁸.

Здесь мы сталкиваемся с любопытным употреблением термина *ножь* как названия весьма важного оружия характерного (древне)-русского рукопашного боя²⁹. Чистой случайностью следует признать то, что в памятнике лишь XVII в., а не более раннем встречается слово *ножь* как название незаменимого оружия разведчиков: И захватиша (казаки. — Г. О.) у двух татар платами гортани их, чтоб не крычали, и заколоша их ножем. (Сказ. пов. об Азовск. вз., 70—80 гг. XVII в., с. 101—102. — Картотека ДРС). Нож упоминается и как оружие мести женщин: (1128 г.) вѣколи же ему (Рогволоду. — Г. О.) пришедшу к ней. (к Рогнеде. — Г. О.) и оуснувшю. хотѣ и зарѣзати ножемъ. (Лавр. лет., л. 99 об.)³⁰. Возможно, *ножь* в двух последних контекстах указывает на обоюдоострое небольшое холодное оружие типа кинжала, ср. составной др.-рус. термин *ножь обоюдоуостръ*³¹.

На *ножь* как на название оружия указывают и фигуральные его употребления: 1) Не придохъ вложить миръ, но рать и ножъ (Послание Иосифа к Нифонту. 1493 г. — РИБ VI. 1880, стб. 834), 2) (1097 г.) вверже[нъ] в ны ножъ (Слова Владимира Мономаха о начале усобиц между древнерусскими князьями. — Лав. лет., л. 88 об.)³². Ср. известное и в наши дни выражение *они на ножках* — 'враги'³³.

К составным терминам, включающим в себя сущ. *ножь* 'воинское оружие', относятся прежде всего *великъ ножъ* и *ножь долгой*³⁴: Романецъ извлекъ великъ ножъ и удари в ребра святаго (князя Михаила Тверского. — Г. О.) (Моск. летоп. свод к. XV в., л. 215)³⁵; Да Муртоза бакшей ограбилъ Осташкова сына Рязанцова, а взялъ саблю, а цѣна ей полтретьятцать алтынъ, да сорокъ стрѣль . . . да ножъ долгой, да калпакъ (Посольство вел. кн. Ивана Васильевича. 1496 г. — Сб. РИО XII. СПб., 1884, с. 230). Конечно, долгий нож может быть и кухонным, но в данных употреблениях это исключается. Ср. пословицу: Не все те повара, у кого ножи длинные, *живодеры, разбойники*³⁶.

²⁸ ПСРЛ I, с. 522.

²⁹ О характере русского рукопашного боя в древности см.: *Никитский А. И.* Военный быт в Новгороде XI—XV столетий. — Русская старина, 1870, т. I, с. 182—186.

³⁰ ПСРЛ I, стб. 300.

³¹ Житие и чудеса святого Николая Мирликийского. СПб., 1881, с. 43. XI в., сп. XIV в. — Картотека ДРС.

³² ПСРЛ I, с. 262.

³³ *Даль*² III, с. 553.

³⁴ Ср. «Боевым ножом считается в современных трудах такой, длина клинка которого составляет не менее 20 см». — *Acta archaeol.* . . , с. 68; «Возможно, к боевым ножам следует отнести некоторые ножи длиной свыше 20 см». — *Кирпичников А. И.* Русское оружие ближнего боя (X—XIII вв.). Дис. на соискание учен. степ. канд. ист. наук. Л., 1963, с. 280.

³⁵ ПСРЛ XXV. М., 1949, с. 165.

³⁶ *Даль*² III, с. 553. Представленный выше материал заставляет усомниться в категоричности следующего утверждения: «Ножи нельзя причислить

Любопытно составное наименование *ножь турской, саблю*, — по-видимому, речь идет либо о ятагане, либо о подобии ятагана (само слово *ятаган, атаган* в памятниках XI—XVIII вв. не обнаружено): *Ножь стальной турской, саблю, съ доломъ съ кованымъ; на тыль 2 долика, а с обѣ стороны въ дву мѣстѣхъ по 2 долика наведены золотомъ; черень кость волчья бѣла.* Ор. Бор. Оед. Год. 1589 г., 31³⁷.

Другие составные наименования: *нож оправной* (а грабежемъ . . . оборвали съ насъ . . . ножи оправные и плети. Челобитная атамана Н. Васильева. 1658 г. — Дон. д. V, с. 360. — Картотека ДРС); *ножь подсаадашной* (и *подсаадачной*. — Кн. переп. Соловецк. м.-ря и Анзерской пустыни. 1711 г.)³⁸; *ножь подсаадаш'ной бѣлат красной, по обѣимъ створонамъ врезывано золото черень бѣлош рыбеи зѣб | а в немъ врезывано золото. . .* Кн. описная 1687 г. Оружейной палаты³⁹; *нож с опояскою* (проданы Тимофѣевские ножи с опояскою да нагавиченка, взято 2 алтына. Прих.-расх. кн. Волокол. № 3, л. 25. 1579—80 гг. — Картотека ДРС); *нож срядной*, — по толкованию авторов публикации, «нож, входивший в полный набор одежды ратника, т. е. входивший в состав сряда»⁴⁰ (Турал взял . . . 2 портища добрых. . . да нож немецкой срядной, 2 кожи телятинных. Да сын его. . . взял саблю добрую. 1638 г.)⁴¹. Ср. *срядный* 'нарядный, богато одетый, празднично убранный' — твер., арханг. (мезен.), кашин., валд., кунгур., ростовск., костр., шенкур. (Картотека БАС), так что словосочетание *срядный нож* могло указывать на ценный, богато инкрустированный золотом и драгоценными камнями нож. Ср. упоминание о *нарядном*, т. е. 'украшенном драгоценностями', *ножике* в следующем контексте: велѣ^л дѣлати к гдрвѣ | нарядномѣ ножикѣ к но^жнамъ золотымъ | с камечемъ к поцепочки два наковечничка золотые чекачные (1623 г. Книга приходная золотым делам. — ЦГАДА, ф. 396, оп. II, № 1024, л. 91 об.). Но и при толковании *срядный* = *нарядный* речь идет об оружии, т. к. не было смысла отделять нож драгоценностями,

к оружию, хотя бы и массовому. Летопись только в показание неслыханной ожесточенности боя при осаде татарами Козельска говорит: «Козляне же ножи резахуся с ними». В таком бою шла в ход вся домашняя утварь». (Арциховский А. В. Русское оружие X—XIII вв. — Доклады и сообщения ист. фак-та МГУ, 1946, вып. 4, с. 4—5). Близок к этому взгляду и А. Н. Кирпичников (Русское оружие ближнего боя. . . , с. 280). Противоположная точка зрения высказана в трудах: Рабинович М. Г. Из истории русского оружия IX—XV вв. . . , с. 89—90; Ледяева С. Д. Русская военная лексика XI—XIII вв. (по материалам летописей). М., 1955. Дис. на соискание учен. степ. канд. филолог. наук, с. 36; Шкриванич Г. А. Ор. cit., с. 64.

³⁷ Срезневский II, стб. 464.

³⁸ Рукоп. Ленинград. отдел. Ин-та истории АН СССР, колл. 2. Актовые книги, № 154, л. 191 об.

³⁹ Рукопись ЦГАДА, ф. 396, оп. II, ч. 2, л. № 936, л. 165.

⁴⁰ Русско-монгольские отношения в 1636—1654 гг. М., 1974, с. 430, Терминологический словарь.

⁴¹ Там же, с. 106.

чтобы использовать его в столярном или поварском деле. Будем поэтому считать, что в контекстах типа: два ножа, одинъ рыбей зубъ, булатень, а другой сандалень, булатень же, окованъ золотомъ (1489 г. — Сб. РИО, т. 35, СПб., 1882, с. 33) — говорится об оружии. Среди воинских ножей упоминаются *нож бухарской, турецкой* (Столбцы Оружейн. пал. 1680-е годы)⁴², *кизылбашской* (= *персидский*. — Г. О.) (Кн. описная 1687 г. Оружейной палаты)⁴³, *ножи польские* (Оп. имущ. гетмана Самойловича. 1690 г.)⁴⁴ и *русские* (ДАИ X, 1682—87 гг. 345. — Картотека ДРС).

Проникновение в русский язык кумыкского *кинжал* (с последней четверти XVI в.) несколько сузило употребление о.-слав. *нож*. Так, в памятниках письменности XVII в. мы не обнаружили словосочетания *обоюдоострый нож*, встречающегося в памятнике XIV в. Однако активность военного термина *нож* на протяжении всего XVII в. значительно более велика, чем термина *кинжалъ*. Например, в Описной книге 1687 г. Оружейной палаты при четком противопоставлении боевых ножей кинжалам описано 8 ножей и 2 «жельзда (т. е. клинка) ножевых» и лишь один кинжал!⁴⁵

Попытку связать с историей термина *кинжал* судьбу слова *засапожникъ*, обнаруженного лишь в одном древнерусском памятнике письменности — «Слове о полку Игореве» (тии бо бес щитовъ съ засапожники кликомъ плъкы побѣждають), — предприняла В. Л. Виноградова: «Можно предполагать, что засапожники, употребленные в «Слове», являлись прототипами кинжалов. В редакциях XVII в. «Задонщины» вместе с другим оружием упоминаются кинжалы: «а на собѣ злаченые досѣхи, а шеломы черкаские, а щиты московские, а сулицы немѣцкие, а кинжалы фряцкие» . . . Термин «кинжал» обнаруживается в письменности только с XVI в.»⁴⁶ При этом как важный аргумент расценивается факт неупотребительности др.-рус. *засапожникъ* за пределами «Слова о полку Игореве».

Так как приведенные контексты из «Слова» и «Задонщины» ничего общего между собой не имеют, то такое сближение двух терминов, употребленных в них, настораживает. Судить о семантике др.-рус. *засапожникъ* по единственному употреблению, конечно, трудно. Сущ. м. рода *засапожникъ* возникло скорее всего на базе словосочетания *засапожный ножъ*, как субстантивация прилагательного, что и подтверждается диалектными данными: *засапожник*, м. 'короткий нож, который кладется за голенище сапога' (сиб., 1847; новг., арх., олон.)⁴⁷, 'охотничий нож, носимый в сумочке, пришитой к голенищу' (Заволжск. г., Макар. у Ниже-

⁴² Рукопись ЦГАДА, ф. 396, оп. I, ч. 32, № 52127, л. 20 п 29.

⁴³ Рукопись ЦГАДА, ф. 396, оп. II, ч. 2, № 936, л. 165.

⁴⁴ Русская историческая библиотека, т. VIII. СПб., 1884, стб. 1053.

⁴⁵ Рукоп. ЦГАДА, ф. 396, оп. II, ч. 2, № 936, л. 165—167.

⁴⁶ Виноградова В. Л. Сравнительный анализ «Слова о полку Игореве» и «Задонщины». Дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук. М., 1954, с. 205.

⁴⁷ Филин II, с. .9.

гор. г.)⁴⁸. В Словаре церковнославянского и русского языка, составленном II Отделением Академии наук, *засапожник* с пометой *стар.* и со ссылкой на «Слово о полку Игореве» толкуется как 'засапожный нож' (т. II, с. 111; 1867 г. — Картотека БАС). У И. И. Срезневского (I, 946) *засапожникъ* остается без толкования, Г. Е. Кочин же определяет: 'кинжал', но ставит вопросительный знак⁴⁹. Утверждая, что «засапожники . . . были, вероятно, кинжалами», А. В. Арциховский все же подчеркивает: «. . . но облик этих кинжалов неизвестен»⁵⁰.

С точки зрения истории материальной культуры, сомнительно, чтобы засапожник был прототипом кинжала — таковым был восточный вид оружия⁵¹.

Представляется правомерным толкование др.-рус. *засапожникъ* как 'нож, носимый за голенищем сапога (род оружия)'⁵².

Слово известно не только в говорах, но и в художественной литературе (В. И. Даль. «Рогатина»; М. Н. Загоскин. «Аскольдова могила», ч. I, 1; А. К. Толстой. «Князь Серебряный», гл. 20).

С историей слова *кинжал* можно связывать судьбу семантически близких ему ст.-рус. *сторчень*, *сторчь*, *торчь*. Первое из них засвидетельствовано в 1607 г.: *сто^рце^а* — *storzen* || *stortzen runnier* — *сторчень* — *roniard* (т. е. 'кинжал')⁵³. Запись 'сторцен' с *ц* вместо ожидаемого *ч* отражает типичное псковское цоканье.

В других славянских языках это исконное слово как будто неизвестно; и возможно, перед нами ст.-рус. спонтанное новообразование, возникшее с помощью суф. *-ень* от глаг. **сторчити*, ср. укр. *сторчити* 'ставить торчком', словац. *strčít'* 'толковать, совать', н.-луж. *starcaś* 'толкать', словен. *strčiti* 'колоть' (!), болг. *стърча* 'торчать наружу', приводимые М. Фасмером (III, с. 769) при объяснении им наречия рус. *сторчь* 'стоймя, торчком', укр. *сторч* 'вверх ногами'. Ср. также укр. *сторчак* 'тычок; удар кулаком'⁵⁴.

Родственный со *сторчень* термин *сторчь* противопоставлен в контексте слову *кордь* 'короткий меч' и также, по-видимому, обозна-

⁴⁸ Шейн П. Дополнения и заметки к Толковому словарю В. И. Даля. — Сб. ОЯС, 1973, X, № 8, с. 36.

⁴⁹ Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., 1937, с. 123.

⁵⁰ История культуры древней Руси, т. I. М.—Л., 1948, с. 429.

⁵¹ Селихов А. А. Кинжал. — Русская речь, 1970, № 4, с. 89—91.

⁵² СлРЯ XI—XVII вв. 5, с. 293. В Словаре-справочнике «Слова о полку Игореве» В. Л. Виноградовой (вып. 2. Л., 1967, с. 108) слово *засапожникъ* дано без толкования, но с цитированием приведенного нами высказывания А. В. Арциховского.

⁵³ Tonnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian Pskov 1607. Copenhagen, vol. I, 1961, p. 56; v. II, 1970, p. 39.

⁵⁴ Білецький-Носенко, с. 342. Группа др.-рус. слов с суф. **-ень*, представленная в исследовании Ж. Ж. Варбот «Древнерусское именное словообразование» (М., 1969) — «печень (к печи), сяжень, сажень 'мера длины' (к *-сягати*, *-сягнути* 'достать, коснуться'), студень ж. р. 'холод' (к *-студити* 'охлаждать', но м. б. от *студеный* 'холодный')», — может быть пополнена еще одним словом.

чает 'холодное оружие, подобное кинжалу': Сентября въ 29 день . . . пришли на посольский дворъ многіе нѣмцы и . . . пословъ ограбили, оставили въ однѣхъ рубашкахъ, и поясы сняли и пищалми, и корды, и *сторчми* къ послом *примѣривали* (1569 г. Статейн. список И. М. Воронцова)⁵⁵. Ср. фразу «учаль ко всякому къ грудемъ *шпагою* *примѣривать*» (Рус. — шведс. д. I. 1634—1648 гг., с. 11—12. — Картотека ДРС).

Того же корня и значения еще одно родственное со *сторчень* слово — сущ. ж. р. *торчъ*: в статейных списках 1591 г. сообщается о «поминках» (подарках) от польского короля Сигизмунда и говорится, что посол Станислав Родиминский «ударил челомъ» «жеребець турецкой темногнѣдь съ сѣдломъ и со всѣмъ конскимъ нарядомъ, а на сѣдлѣ торчъ въ ножнахъ, наконечникъ золочень». Подобный же подарок сделал Станислав Кирвацкий: «жеребець сѣрь съ сѣдломъ турскимъ и со всѣмъ конскимъ приборомъ, а на сѣдлѣ торчъ обдѣлана серебромъ», — тогда как Адам Суходольский подарил «конь сѣрь съ сѣдломъ и со всѣмъ конскимъ нарядомъ, а на сѣдлѣ мечъ обдѣланъ»⁵⁶. Здесь *торчъ* указывает на холодное оружие, подобное мечу, но не одинаковое с ним. *Торчъ* оба раза упоминается как название дорогого, обделанного либо золотом, либо серебром подарка, даваемого вместе с турецким жеребцом — весьма ценной лошастью (во втором случае — с жеребцом под турецким седлом). *Мечъ* же обозначает менее ценный подарок (не сказано, чтобы он был позолочен или посеребрен), преподнесенный в комплекте с менее ценным (не турецким) седлом и конем. *Торчъ* здесь — 'холодное оружие; возможно, длинный кинжал'.

В отличие от *сторчень* и *сторчъ*, засвидетельствованных на Западе, слово *торчъ* было известно шире; оно встречается, например, в памятнике восточной ориентации (шахъ далъ торчъ булатную съ каменемъ. 1615 г.⁵⁷), а также в общерусском (московском, хотя, по представленной в нем оружейной терминологии, не без польского влияния) памятнике письменности: А на другихъ полатахъ. . . у стѣны устроити стоячихъ столбѣхъ гвозди, на чем класти сабли, палаши, мултаны, кандеры, мечи, // тѣсаки, торчи, рога-тины. . . 1621 г.⁵⁸ И все же чаще оно обнаруживается в памятниках, отражающих русско-польские связи; ср. помимо двух приведенных в Статейных списках 1591 г. употреблений этого слова еще два употребления в Статейном списке русских послов по вопросу о заключении мира с Польшей (1615—16 гг.; рукоп. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ф. IV. 101, л. 908 об. и 912 об.): 1) в долгехъ на паве Гасе^вскомъ. . . всякие р^уляди } ис

⁵⁵ Сб. РИО. 1910, 129, с. 168.

⁵⁶ Древности Российского государства. Отделение III. Броня, оружие, кареты и конская сбруя. М., 1853, с. 67.

⁵⁷ Труды Восточного отделения императорского Русского Археологического общества, т. XXI. СПб., 1892, с. 301.

⁵⁸ *Радишевский О. М.* Устав ратных, пушечных и других дел. Издан под смотрением В. Г. Рубана, ч. II. СПб., 1781, с. 6.

Ѡ|рѸже"но¹ полаты сабе¹ ѡправныхъ| } ноже¹ } то¹че¹ } щито¹;
2) сабе¹ оправны¹ } ноже¹ } то¹че¹ } ла¹ } шапо¹.

В Словаре церковнославянского и русского языка (т. IV, СПб., 1847, с. 609) *торчь* толкуется как стар. 'деревко, на которое насаживалось копьё'⁵⁹, ср. укр. *торч*, ж. 'род огорожи: палки из хвоста, укрепленные вертикально'⁶⁰; однако в приведенных нами контекстах *торчь* означает не 'деревко', а 'вид холодного оружия, близкого к кинжалу'.

Приведены все контексты, в которых удалось обнаружить слова *сторчень* 'кинжал' и *сторчь*, *торчь*. Все эти употребления (кстати, чаще всего в памятниках западной ориентации) охватывают период с 1569 г. по 1621 г., т. е. время вхождения и утверждения заимствования *кинжалъ* с Востока. Очевидно, в то время оружие типа кинжала приобрело определенную актуальность. Более жизнеспособным оказалось слово *кинжалъ*, вытеснившее сущ. *сторчень*, *сторчь*, *торчь* из употребления, так что лишь одно из них — *торчь* (по-видимому, не случайно обнаруженное нами в большем, чем *сторчень* и *сторчь*, количестве контекстов) — еще встречается за пределами названного временного отрезка, т. е. после 1621 г., но уже только в азбуковниках XVII в., вплоть до конца столетия: â сѣ ймена оружицѸ, иже бываѣтъ при бедрѣ. ꙗко же будѣй, торчь, кортъ, йли сѣмь подобна. Словарь кон. XVII в., л. 11 об.⁶¹ Более позднее исчезновение из языка слова *торчь* по сравнению с другими родственными терминами следует связывать с тем, что и появилось оно в памятниках письменности раньше слова *сторчень* и не намного позже слова *сторчь* и что оно лучше их

⁵⁹ Аналогично: на яблочке чловѣкъ, въ правой рукѣ на торчи (на палке. — Г. О.) молотокъ (1613 г. Чт. ОИДР 1882, кн. 1, стб. 10).

⁶⁰ Гринченко IV, с. 277.

⁶¹ Рукоп. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Q. XVI. 6. В этой же рукописи нам встретилось слово *тарча* с пояснением «щитъ воинской» (л. 164 об.). Ср. точно такие же, как в данной рукописи, употребление слова *торчь* и толкование сущ. *тарча* в другом азбуковнике XVII в. (Рукоп. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Q. XVI. 4; соответственно л. 47 об. и 252).

Как видим, в самих старорусских памятниках слова *торчь* и *тарча* семантически четко различаются, в противовес тому, как они толкуются у некоторых исследователей в XX в., например: «*торч* — щит с рукою и кинжалом» (Оружейная палата. Путеводитель. Сост. Ю. В. Арсеньев и В. К. Трутовский. М., 1911, с. 322); «У русских был в употреблении и конный щит — торчь или тарчь, . . . единственный образец которого находится в Оружейной палате» (Надеждин Н. А. Московская Оружейная палата. СПб. — М., 1902, с. 41—42). Между тем *торч* и *тарча* отличаются друг от друга также и генетически. В отличие от исконного слав. *торчь*, сущ. *тарча* мы сближаем в польск. *tarcza* 'scutum equitum quod brevius est' ('щит для коня'). — *Knapski G.* (Snapiusz). Thesaurus polono-latino-graecus, далее с нем. *Tartsche*, ж. р. 'щит', ср.-в.-нем. *tartsche*, н.-нем. *tartzte*, *tartzge* то же, которые из франц. *tarce* от ср.-лат. *targa* 'щит' (*Grimm XI/I*, 1. Teil. S. 146—147). Путаница в толковании ст.-рус. *торчь* и *тарча* в новое время и даже готовность некоторых авторов отождествлять их семантически — лучшее свидетельство окончательного исчезновения этих слов из языка как живых лексических единиц.

было освоено в языке, хотя все же оказалось вытесненным в XVII в. словом *кинжалъ*. Сказанное делает более вероятным предположение о сравнительно позднем спонтанном новообразовании ст.-рус. *сторчень* (а не о древнем диалектном его происхождении).

У Срезневского (I, стб. 189) приведено без толкования с некоторым сомнением слово *бѣдеи?* — На царскомъ мѣстѣ (султанъ) не сидѣль, и съ саадакомъ и съ саблюю и съ будями у него не стояли. Дела Турецк. (Кар. ИГР IX т.). Андреи Ищениъ кинулся къ царю Турскому съ будѣемъ (в др. сп. — съ *ножемъ*). т. ж.

В СлРЯ XI—XVII вв. (в. 1, с. 345) этот термин представлен в двух вариантах — *будѣи* и *буди*, м. — и толкуется как 'кинжал'. Материал Срезневского здесь уточняется: Кар. ИГР IX, прим. 348. XVI в. — и дана еще одна иллюстрация: [Король взял] саблю булатну, оковану серебромъ, да ножъ булатень, черень яшмовой, ножны серебряны, да буди наведень весь золотомъ. Ст. сп. послов, 60. 1564 г.

В обоих словарях термин дан в извлечениях из памятников XVI в. Обращение к рукописным материалам дает возможность утверждать, что сущ. *будѣи* было употребительно и в XVII в.: Но* полево* бѣла* красно* . . . Бѣдѣ* бѣла* сине* . . . на но*на* хоз чернь* . . . // ножикъ бѣлатъ красною. 1639 г.⁶² В этом контексте, как и в двух предыдущих, интересующий нас термин сближается со словом *нож* (и *ножикъ*). По-видимому, *будѣи* (и *буди*) имело значение 'оружие, близкое к ножу (возможно, определенный тип кинжала, но, строго говоря, не тот, что обозначался словом *кинжалъ*)'.

К *буди* и *будѣи* добавим варианты *бѣди* и *бѣдѣи*, встретившиеся нам в азбуковниках XVII в. (контекст и выходные данные см. выше). Многовариантность и колебания в ударении свидетельствуют о нестабильности термина. После записи, относящейся к 1639 г., он встречается лишь как глосса, а в XVIII в. и позднее совершенно не отмечается.

Исчезновение термина вызвано было тем, что «различного рода ножи . . . сошли с вооружения еще в XVII столетии»⁶³; а также тем, что слово *кинжалъ* становится все более активным в XVII в.

Будѣи (*буди*, *бѣдѣи*) — тюркизм. Ср. др.-тюрк. *bögdä* 'кинжал'⁶⁴, азерб. *bügde*, казах. *buida* 'кокандский нож' и т. д. У Г. Дёрфера тюркск. **buḡda* < перс. *buḡdā* 'вид ножа'⁶⁵.

Не отмеченное в русской исторической лексикографии нового времени слово *бичагъ*^{та} с пояснением: *ножъ* (где *та* = «татарский») — встречается в русских азбуковниках XVII в. (рукописи ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, шифры: Q. XVI. 4, л. 47; Q. XVI. 8, л. 25 — без ударения; Q. XVI. 6, л. 29: *бичагъ* и т. д.).

⁶² Роспись Оружейной казны царя Михаила Федоровича. Рукоп. ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 3, № 2948, л. 6—7.

⁶³ Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI—XIX вв. М., 1953, с. 36.

⁶⁴ Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 116.

⁶⁵ Doerfer G. Die türkischen und mongolischen Elemente im Neupersischen. Bd. II. Wiesbaden, 1965, S. 294—295.

Слово восходит к тюркскому источнику, наряду с рус. диал. (терск.) *бичак* 'нож'⁶⁶, укр. *бичак* 'нож с небольшим черенком' (угор.)⁶⁷, польск. устар. *biczak* 'вид ножа'⁶⁸, словац. *bičak*⁶⁹, болг. *бичакчия* 'мастер, изготавливающий ножи', др.-серб. *bičak* 'нож'⁷⁰, с.-хорв. *bičag, bičah*⁷¹, венг. *bicsak, bicska* 'вид ножа: Klappmesser, Schappmesser'⁷², алб. *bitschák*⁷³, *bidžak* 'нож'⁷⁴.

Ср. др.-тюрк. *bičäk, bičaq* 'нож', азерб. *бичаг*, алт. *бичак*, башк. *бысақ*, казах. *пышақ*, каракалп. *пышақ* и *пшақ*, карач. — балкар., кирг. *бычак*, кумык. *бичакъ*, нов.-уйгур. *пичак*, ногайск. *пышақ*, татар. *пычак*, тув. *бижек*, тур. *biçak (-gi)*, туркм. *пычак*, узб. *пичоқ*, хакас. *пычак*, чув. *пёчэк*, якут. *bisaх* — все со знач. 'нож'. Кроме того, отмечены телеут., шорск. и крым.-татар. *пычак*, сартовск., таранч. *пичак* 'нож'.

Г. Дёрфер приводит следующие заимствования из тюркск. языков: тибет. *pi-č'aq* 'большой нож палача', араб. *biğaq*, перс. *pičāq* 'нож', также *bačak* 'род оружия или режущего инструмента', 'род какого-то оружия'⁷⁵.

Пути проникновения этого тюркск. термина в разные европейские языки различны; указывают, что в польский он проник из турецкого⁷⁶, в словацкий — из венгерского (в венгерский — из тюркского источника)⁷⁷; возможно, через венгерский же, подобно словацкому, пришло *бичак* в украинский: имеется лишь у Гринченко и притом с пометой «Угор».

При установлении источника заимствования ст.-рус. слова *бичагъ* вряд ли есть смысл отрывать его от рус. диал. *бичак*, относительно которого Е. Н. Шипова не указывает конкретного тюркск. источника⁷⁸.

Из приведенных тюркских огласовок термина кумык. *бичакъ* фонетически ближе всего к ст.-рус. *бичаг* и диал. *бичак*, отмеченному к тому же лишь в Терской области, т. е. в регионе, близком к кумыкскому.

Звонкое *г* в ст.-рус. *бичагъ* на месте тюркского *к* отражает озвончение *к > г*, имевшее место уже на тюркской почве, в частности в данном случае в суф. *-ак*⁷⁹, ср. кирг. *бычак* 'нож' — *ит бычагы* 'обломок ножа'⁸⁰.

⁶⁶ Филин 1, с. 303.

⁶⁷ Гринченко I, с. 59.

⁶⁸ Варшавский словарь I, с. 146; Linde I, с. 99.

⁶⁹ Peciar S. Slovník slovenského jazyka. Bratislava, 1959, с. 91.

⁷⁰ Lokotsch K. Etymologisches Wörterbuch. . ., S. 31.

⁷¹ Skok I, с. 145.

⁷² Halász E. Magyar-német szótár, I. Budapest, 1957, с. 214.

⁷³ Skok I, с. 145.

⁷⁴ Doerfer G. Op. cit., S. 427.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Варшавский словарь I, с. 146.

⁷⁷ Doerfer G. Op. cit., S. 427.

⁷⁸ Шипова Е. Н. Словарь тюркизов в русском языке. Алма-Ата, 1976, с. 82.

⁷⁹ В тюркском отглагольном существительном *biçak* 'нож' выделяется корень *biç-* 'резать' и суф. *-ak*. — Clauson G. An Etymological Dictionary of the Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972, p. 293.

⁸⁰ Юдазин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965, с. 173.

В свое время Н. К. Дмитриев, а вслед за ним А. А. Селимов (см. сноску 51) установили кумыкский источник русского *кинжал*(ъ). Время проникновения заимствования *кинжал* — последняя четверть XVI в. — практически совпадает или соприкасается со временем проникновения слова *бичагъ*. Возможно, кумыки иногда называли кинжал словом *бичакъ* — общим названием ножа как такового, в том числе и боевого. Еще более вероятно, что кумыкск. *қинжал* и *бичакъ* могли употребляться и вместе при обозначении кинжала, как, например, в каракалпакском — *қанджар пышақ* 'кинжал', при наличии *пышақ* 'нож'⁸¹. Так вместе с одной и той же вещью стали проникать в русский язык сразу два заимствования: одно специфическое, активное, преобладающее у самих кумыков при обозначении кинжала, а другое, как название с более широкой семантикой, — было менее активным при конкретном обозначении данного вида оружия.

Глосса *бичагъ*, по-видимому, имела значение '(преимущественно) б о е в о й нож'; иначе непонятно столь широкое проникновение тюркизма в разные языки мира⁸².

В Сл.РЯ XI—XVII вв. (в. 1, с. 59) приводится редкое сущ. *ачира* с толкованием 'холодное оружие (кинжал, ятаган)': Да около цесаря шли протазанщиковъ и драбантовъ съ ачирами человекъ со сто (Рим. имп. д. III, 984. 1658 г.). Вероятно, «ачиры» несли только драбанты (почетные телохранители), протазанщики же были вооружены протазанами. Ср. близкий к приведенному контекст (из того же памятника и с той же датировкой!): А по переходом и у полатныхъ дверей стояло съ восемьдесятъ человекъ протозанщиковъ съ протозаны и драбанты съ ачирами.

⁸¹ Каракалпакско-русский словарь. М., 1958, с. 542.

⁸² В свете такого уточнения семантики ст.-рус. *бичагъ* любопытно донское *бишак* 'крупная сельдь', об этимологии которого М. Фасмер пишет: «Неясно» (Фасмер I, с. 170), считая, по-видимому, невероятным сближение, сделанное А. В. Миртовым: «Бишак — крупная селедка. Ср.: бешеная рыба» (Миртов А. В. Донской словарь. Ростов-на-Дону, 1929, стб. 22). Вряд ли нужно полностью исключать влияние слов *бешеная*, *бешенка*; однако свой окончательный облик сущ. *бишак* вполне могло приобрести под действием названия б о е в о г о и потому достаточно длинного ножа *бичак*, причем изменение *бичак* > *бишак* можно объяснить отражением ногайского *пышак* 'нож'. Ср. название типа *сабля* (о рыбе), а с другой стороны — *селедка* 'небольшой меч (тесак)'; «Сначала они [будочники] увещевали разойтись, потом пригрозили холодным оружием — тесакими, или, по московскому выражению, селедками» (И. Ф. Горбунов. Из Московского захолустья, 2. Цит. по кн.: Словарь современного русского литературного языка, т. 11, стб. 597); далее — диал. смолен. *селедѣц* 1) 'селедка'; 2) 'тесак полицейского' (Добровольский, с. 824). Важно также, что рус. *бишак* *Alosa kessleri pontica* 'черноморско-азовская проходная сельдь' отмечено именно на юге, притом только как донское (см.: Линберг Г. У. и Герд А. С. Словарь названий пресноводных рыб СССР на языках народов СССР европейских стран. Л., 1972, с. 69, 70). В Словаре русских народных говоров, издаваемом АН СССР, *бишак* не представлено.

В связи с предпринимаемой нами попыткой сближения диалектных названий разновидности рыбы — *бишак* — и ножа — *бичак* — приводим нем. *Messerfisch* 'карп, имеющий форму ножа' (Grimm, VI, 2129). На это нем. *Messerfisch* обратил мое внимание О. Н. Трубачев.

(Римск. имп. д. III, 990, 1658 г. — Картотека ДРС). — Здесь уже упомянуто колюще-режущее оружие («протозаны»), так что интересующее нас слово не должно непременно означать таковое: наряду с протазанами у почетной охраны скорее был другой тип оружия, что могло быть вызвано соображениями парадно-декоративного характера. И поскольку протазан не просто оружие, а главным образом оружие почетного конвоя, то к парадному типу оружия в соответствии с обоими контекстами было бы наиболее естественно отнести и ачиры, не являвшиеся, возможно, ножами.

По-видимому, есть смысл связывать ст.-рус. *ачирь* м. р. (такая начальная форма, а не *ачира* ж. р., нам кажется наиболее вероятной) с калм. *очр*, *очър*⁸³ устар. 'скипетр, жезл', монг. *очир* 'символ могущества'⁸⁴ и с др.-тюрк. *vačir* (из санскр. *vajra*) 1) 'алмаз'; 2) рел. 'жезл, скипетр (магический атрибут божества)'⁸⁵.

Начальное *о* калм. и монг. слов могло измениться в процессе заимствования на *а* в условиях аканья; при допущении заимствования из др.-тюрк. *vačir* начальное *va-* перешло в русском в *а* по аналогии с *атаман* из *ватаман*⁸⁶.

Наименьшая вероятность калмыцкого источника обусловлена фонетически. Специально о переходе тюркского начального *ва-* в *а* в слове *атаман*, аналогию с которым мы здесь проводим, писал неоднократно И. Г. Добродомов⁸⁷.

Из всех рассмотренных в статье названий лишь *нож(ь)* употреблялось в памятниках письменности разных жанров, было многозначным, дало немало составных образований и производных — др.-рус. уменьш. *ножиць* (Георг. Ам. Увар. 169)⁸⁸, ст.-рус. *ножикъ*, иногда семантически тождественное слову *ножь* (ножикъ кизылбаш'ской бѣлатнои. . . | . . . цена томѣ ножѣ дватцати рѣблев. Кн. описная Оруж. пал. 1687 г.)⁸⁹, *ножны* (Лет. Льв. 127)⁹⁰, *ножевои* (1646 г. Опись царск. оруж. казны)⁹¹, *ножевник*, профессия⁹² и т. д. Неудивительно, что слово *нож(ь)* оказалось самым жизнеспособным из всех рассмотренных здесь обозначений холодного оружия, сохранившись по сию пору, хотя и не в качестве оружейного термина, тогда как остальные термины либо исчезли, либо сохранились лишь в отдельных народных говорах.

⁸³ Калмыцко-русский словарь. Под ред. Б. Д. Муннева. М., 1977, с. 407.

⁸⁴ Монгольско-русский словарь. Под общ. ред. А. Лувсандэндэва. М., 1957, с. 312.

⁸⁵ Древнетюркский словарь, с. 631. На др.-тюрк. *vačir* любезно обратил внимание автора статьи И. Г. Добродомов, давший также несколько других ценных советов.

⁸⁶ *Фасмер* I, с. 95.

⁸⁷ *Добродомов И. Г.* Атаман и гетман. — Русская речь, 1972, № 5, с. 110—114; *Он же.* Акцентологическая характеристика болгаризмов в славянских языках. — Советская тюркология, 1979, № 5, с. 13.

⁸⁸ *Срезневский* II, стб. 463.

⁸⁹ Рукоп. ЦГАДА, ф. 396, оп. II, ч. 2, № 936, л. 165 об.

⁹⁰ *Кочин Г. Е.* Указ. соч., с. 208.

⁹¹ *Арсеньев Ю. В.* К истории древностей Оружейной палаты. М., 1902, с. 5.

⁹² *Кочин Г. Е.* Указ. соч., с. 208.

Утрата активности всех рассмотренных названий оружия и даже исчезновение большинства их объясняется тем, что, как выше отмечалось, в XVII в. само оружие, ими обозначавшееся, стало употребляться все более редко.

Появление целого ряда названий боевых ножей в последней трети XVI — начале XVII в. и всплеск активности всей этой тематической группы слов в памятниках письменности 60-х годов XVI в. — 30—40-х годов XVII в., по-видимому, отражает время массового и активного использования весьма еще несовершенного ручного огнестрельного оружия в Московском государстве — оружия очень громоздкого, еще недостаточно обособленного от артиллерии (свидетельство тому — двузначность слов *пищаль*, *тюфяк* и даже *пушка*, обозначавших именно в ту пору как ручное оружие, так и артиллерийское оружие.) При наличии такого громоздкого и несовершенного оружия, требовавшего специальной подставки для точного поражения цели, подставки, которую в условиях боя далеко не всегда возможно было использовать (и потому огонь из таких пищалей был приблизительным), пехотинец вынужден был дополнительно вооружаться армейским ножом или небольшим тесаком, исполнявшими функции «кинжала милосердия» при настижении противника, раненного с определенного расстояния пищалю. При таком массивном огнестрельном оружии сабли как дополнительный вид вооружения чрезмерно сковывали подвижность пехотинца. С усовершенствованием ручного огнестрельного оружия и распространением в Московском государстве пистолетов в первой трети XVII в., с одной стороны, а к концу XVII — началу XVIII в. штыков — с другой, необходимость в боевых ножках все больше отпадает, и применение этого вида оружия резко сокращается, что и получило отражение в истории рассмотренной группы слов.

В. Н. Топоров

ИЗ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ II (1—3)

Предлагаемые здесь этимологические опыты продолжают серию предыдущих исследований¹, ставящих перед собою цель не только этимологически объяснить данное неясное (или не вполне ясное) слово в том или ином языке, но и наметить его связи с соответствующими словами других индоевропейских языков, остававшиеся до сих пор не отмеченными или не доказанными с достаточной надежностью именно из-за того, что общий индоевропейский источник в каждом из сохранивших его языков обретал

¹ Ср.: Топоров В. И. Из индоевропейской этимологии (I, 1—4). — В кн.: Структурно-типологические исследования в области славянских языков. М., 1973, с. 140—154.